

ЭТО, ПРАВДА, БЫЛО

Детство и юность я провёл в древнем русском городе Курске. Волею судьбы наша большая семья из 11 человек (5 взрослых и 6 детей) в июле 1944 года (ещё шла война) поселились в центре города, на улице Ленина в доме №37 напротив центрального стадиона «Динамо».

Дом был старинный, красивый, двухэтажный, очевидно, бывший купеческий, построен по особому проекту, с высотой потолков 4 метра, что создавало почти непреодолимую задачу натопить жильё зимой

Практически все помещения были в советское время разделены на однокомнатные квартиры. В доме выделялись лишь две большие квартиры на 2-м этаже. Одну занимал профессор (с прислугой!), ну, абсолютная копия профессора Преображенского из «Собачьего сердца». Ещё одну большую квартиру в военное время занимал Курский областной промстройбанк. Весь областной банк помещался в 4-х комнатной квартире, которая имела паркетный (!) пол и обои (!) на стенах. После войны, в 1945 году, промбанк переехал в знаменитое здание на Красной площади, в просторечии называемое

«шестёркой». А в 4-х комнатную квартиру въехала семья белорусского партизана по фамилии Капырин, с женой и двумя детьми.

Под домом имелся вместительный подвал, который в военное время реально служил бомбоубежищем, хорошо помню надпись чёрным углём над стрелкой в бомбоубежище. Много лет надпись не стиралась и пугала маленьких детей.

После войны подвал переоборудовали, разбили на деревянные клетушки, навесили двери и стали хранить немудрёные запасы, почти всегда картошку. Подвал сыграет важную роль в дальнейшем моём повествовании.

Жизнь после войны налаживалась. Продуктов в магазинах было мало. За хлебом, в просторечии «чёрным», надо было стоять в очереди 3-4 часа, как и за керосином для примуса. Сахару и конфет в *сахарном* тогда районе Советского Союза (Белгород входил в состав Курской области до 1954 года) в широкой продаже не было. Дети тогда или уже появились или очень хотели появиться на свет. Законы жизни общества никто не отменял. Дружба, любовь и все её проявления имели место быть.

Да, хорошо сейчас рассуждать: дружба, любовь, объятия, поцелуи и прочее ...

А как это сделать в условиях однокомнатной квартиры, населённой, кроме «молодых», ещё и родителями и иными родственниками. Не у всех, как у нашей семьи, было 11 проживающих, но и об уютном «гнездышке» для двоих никто из молодожёнов, и мечтать не мог.

Жизнь диктовала разные выходы из безвыходного положения.

Наш прекрасный (для ребят) громадный двор, залог нашего будущего здоровья ничем не был загромождён. Так что 50х50 метров свободной площади были в нашем полном ребячьем распоряжении. Вдоль одной из длинных сторон двора были построены небольшие деревянные сараи, в которых люди хранили дрова и уголь для печного отопления. Ну, мы с мамой держали козу Белку, днём она паслась в стаде в поле за кладбищем, и нам абсолютно не мешала. А вот Струковы из мансардной квартиры сумели выкормить поросёнка и имели несколько куриц. Поросёнок во двор не высовывался, а куры нам мешали. К тому же их хозяйка, злобная «ведьма» Стручиха очень не ладила с нами, мешала во всех наших играх, могла и «дать по шапке» любому из нас из-за своих хохлаток. В общем, тут шла борьба с переменным успехом. К счастью, Стручиха не часто слезала из своей мансарды. У Стручихи был сын Михаил от первого брака, жил он в деревне и мы не ведали о его существовании. Но Михаил подрос, пошёл в армию и вернулся оттуда уже в город, к матери. Михаил был «рукастым», мог починить «восьмёрку» велосипеда, соорудить простенькие хоккейные ворота, заклеить порванную камеру мяча. В общем – наш друг. В армии Михаил занимался спортом, вот и дома он стал душой дворового футбола и хоккея. Что ж, пришла пора Михаилу жениться. Взял он молодую, симпатичную девушку по имени Полина. И стала замечать наша дворовая братва, что разочек в день наши Михаил и Поля стали наведываться в свой сарай. Поросёнку они не мешали (а он – им!), а куры поначалу кудахтали, но молодые приносили зёрнышек, и хохлатки успокаивались. С полчаса из сарая не было ничего слышно, а потом выходил Михаил с улыбкой на лице, а затем выскакивала Поля, обычно с каким-нибудь ведром в руке. Старикам Струковым тяжело было часто спускаться из своей мансарды.

Вот такой был «медовый месяц» в поросычье – куриной компании.

В 1948 году мы с мамой остались в Курске вдвоём, потому что остальные родные переселились в Астрахань (взрослые – работать, а подростки – учиться в речном училище), поэтому нашу единственную комнату перегородили фанерной перегородкой

на две части: нам с мамой 11м², а соседям – 15м² (их трое с подростком). Главой соседской семьи был сапожник. Ну, и как традиционный сапожник, здорово выпивал, но, на удивление, не буюнил, жену и сына не бил. Сын Юрий, какой-то серый, тусклый, невзрачный, длинный. И такой жених в своё время привёл к себе такую же серую, тусклую, невзрачную, длинную девушку. Ну, куда же было деваться «молодым» в холодное время года?

Тут уж я был свидетелем. Юра – сапожник вёл под руку свою избранницу. В руке у девушки было небольшое ведёрко под картошку. Они молча спускались в холодный, мокрый подвал и плотно закрывали за собой дверь (имелся накидной крючок). Никто в это время не мог забрести в подвал. «Молодые» через полчаса выбирались из «заклучения» на волю. В руках у «серой мышки» всегда было ведёрко, на дне которого лежали необходимые сейчас картофелины.

Вот так проходила жизнь у «молодых» в послевоенном городе Курске.

Соседний с нашим дом №35а был наполовину в земле. Окна дома были как раз на уровне земли. Сам небольшой дом был построен по типу общежития: с длинным коридором и комнатками вдоль него. В одной из них жила тётя Груня, которая нас (ребят) совершенно не интересовала, но у неё был сыночек Илюшка. Вот он для нас был очень интересен, потому что у него, единственного пацана на наши три дома, был настоящий кожаный мяч. Ведь сразу после войны мы играли, подумать только! тряпочным «мячом», а позднее – резиновым, больше подходящим для девчачьих игр. Илюшкин мяч был, конечно, из кожаменителя, но! с резиновой камерой и шнуровкой из настоящего кожаного ремешка. Это был предел мечтаний! Так что Илюшка, хоть и был маленьким и малость капризным (ведь – монополист всё же), но уважение имел. У них в комнате ещё проживали сестра тётки Груни с маленьким ребёнком. Так что «повернуться» было негде. А жизнь-то продолжалась, и страсти в ней кипели. Привести к себе (куда?) по- современному бой-френда тётя Груня не могла. Вот и получалось то, что получалось. Во дворе нашего дома находился областной сахартрест. Чем там занимались сотрудники (при отсутствии сахара в магазинах) я не знаю, но вот забор у этого треста был впечатляющим! По всему периметру он был из красного, звонкого кирпича и очень нам нравился. Потому что мы любили играть у него «в стеночку». Монета при ударе со звоном отскакивала от блестящей грани кирпича, а следующий игрок при своём ударе старался ударить как можно ближе к первой монете. Почему-то у

нас в карманах было полно разных монет, кошельков тогда не носили, и мы, мальчишки, часто находили монеты просто на земле. По рисунку трёхкопеечная монета с обратной стороны была такой же, как дорогая двадцатикопеечной. Но цвет- то разный! 3 коп были жёлтые, а 20 коп – белые. И находились «умельцы», добывали ртуть из разбитого градусника, мазали 3 коп и они становились маленьким 20-копеечным богатством.

Ну, вот, появился у тёти Груни любовничек. Развитие их отношений я не наблюдал, но за «страстью» как-то проследили ребята.

Ребята, как обычно, играли «под стеночку» на своём месте. И тут, смотрят, идут тётя Груня и краснорожий приятель. Пришлось ребятам уйти в глухую оборону, но главного события пропустить они не могли. Издалека, но процесс ребята рассмотрели.

Конечно, надо было помалкивать, а то можно схлопотать хороших затрещин.

Закончив дело, краснорожий, не заходя в дом, отправился восвояси, а довольная тётя Груня возвращалась к Илюшке.

Вот вам и вся послевоенная любовь «на стороне».

Ну, и наконец «моторизованная» любовь.

Автомобилей тогда практически в городе не было. Но были, и даже массово, мотоциклы. Конечно, самые маломощные, самые недорогие, но встречались у любителей. Я иногда приходил к другу на нашу улицу Ленина, но в дом с №65 – поиграть в любимый футбол. И там был молодой парень Эдик, лет так двадцати. В их доме жила молодая девушка Алла, лет 18-ти. В перерыве футбола Эдик, без тени смущения рассказывал: «Ну. что, посажу я её на мотоцикл, на заднее сиденье, и везу в лес, благо он рядом, за городским кладбищем. Там покувыркаемся на просторе, без свидетелей, и я везу её обратно, почти в целости и без сохранности. Обоим хорошо, она довольна, через 3 дня – повторяем. Можно бы и чаще, да где взять бензин?».

Вот, братцы, такая любовь действительно была в послевоенном городе Курске.

Ах, не ценит современная молодёжь преимущества цивилизации!

ЛЕОНИД ЛИСИН